

Алина
Крушинская

НА ПУТИ К ЖЕНСТВЕННОСТИ
ИЛИ ОТ НЕЕ: ИСТОРИИ
НЕНОРМАТИВНОЙ ЖЕНСКОЙ
ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОСТИ†

Ежедневно вступая в социальное взаимодействие в качестве женщин и мужчин, преподавателей и студентов, левых и правых, представителей своих национальностей, мы актуализируем множественные символические, социальные, географические, культурные и политические границы. В фаллологоцентричном мире, ориентированном на универсального «мужского» субъекта, существование границ всегда таит в себе угрозу обесценивания того, кто находится за рамками дуалистических оппозиций. Испытывая на себе нормирующее давление границ, субъекты выстраивают свою идентичность, ориентируясь на них. Мы постоянно как бы держим в голове тот образ мужчины или женщины, ровняясь на который (с большей или меньшей степенью рефлексивности), корректируем свою внешность, поведение и образ жизни в целом. Даже концепции, описывающие идентичности и категории квир, предполагают наличие соответствующих кодов для гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных идентичностей. Таким образом, увлеченность категориями приводит к продвижению все новых границ.

Однако если существуют границы — то существуют и особые пространства «между», которые «не обладают статично-

† Эта статья является частью магистерского проекта Алины Крушинской, выполненного в рамках магистерской программы Центра гендерных исследований ЕГУ: А. Крушинская. *Визуализируя пол и сексуальность: женская субъектность. Магистерская работа*. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013.

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 4. Приватное: (не)видимое публичное. 2014. С. 53-67.

стью раз и навсегда заданных кодов и категорий, раз и навсегда заданных идентичностей и практик»¹. Тогда можно сделать предположение о существовании таких жизненных стратегий, которые ускользают от включения в те или иные политики идентичности и поддерживают «центрированного» субъекта. Такая нефиксированная субъектность является своеобразным способом движения к гендерной нормативности или от нее.

В этой статье я анализирую репрезентации специфической женской субъектности, а именно: когда нормативное «понимание» идентичности приписывается женщинам на основе внешних «знаков» пола. Речь идет о гетеросексуальных женщинах, специфичность которых является препятствием на пути их идентификации как с категорией женственности, так и с категорией гетеросексуальности, поскольку они оказываются в пространстве между границами женского и мужского, гетеросексуального и гомосексуального.

Репрезентация их опыта нуждается в рефлексивной методологии, предложенной феминистскими качественными исследованиями, именно для того, чтобы понять особенности их гендерной повседневности. На первом этапе исследования, которое во многом родилось из личного опыта, моя цель состояла в том, чтобы изобрести некую категорию, позволяющую описать и теоретически осмыслить мой собственный и схожие с ним женские опыты. Аналитическая категория «ненормативная женская гетеросексуальность» призвана была объединить и зафиксировать совокупность практик, которые приводят к сбою категоризации на двух уровнях — пола и сексуальности. Проще говоря, я пыталась категориально обозначить идентичность женщин, которых в силу некоторых внешних и поведенческих характеристик принимали то за мальчиков, то за лесбиянок. Однако приступив к анализу интервью² с ин-

1 Н. Нартова. Эссе о границе // *Laboratorium*. 2010. № 1. С. 268.

2 Исследование основано на проведении и анализе фокусированных полуструктурированных феминистских интервью. Проведенный анализ интервью с перспективы политик идентичности и теории номадизма (заимствуя концепт и методологию Р. Брайдотти) показывает, что артикуляция информантками своего понимания пола и сексуальности, а также практик, в которых они реализуются, существенно отличается от академического дискурса, формализующего эти категории в научных теориях. Таким образом, женственность и гетеросексуальность, представленные в опыте конкретных женщин, разворачиваются в новом содержании и осмысливаются новыми средствами.

формантками Дашей³ и Юлей⁴, я столкнулась с определенным концептуальным сопротивлением эмпирического материала. Данные, полученные от информанток, как бы «выскальзывали» из той категоризации, которую я как исследовательница пыталась на них «натянуть».

Сложно встретить человека, которого бы не заботил пол его собеседника. Гендерная «считываемость» является необходимым условием успешного коммуникативного акта⁵. Невозможность сразу распознать в человеке женщину или мужчину вызывает реакцию, обозначаемую как «гендерное беспокойство» (*gender trouble*)⁶. Избавиться от этой нерелексированной практики приписывания пола практически невозможно. «Мы не только хотим знать, к какой категории по полу принадлежат те люди, с которыми мы общаемся (мы хотим распознавать эту принадлежность с первого взгляда), но считаем также, что другие демонстрируют нам свою половую принадлежность настолько убедительно, насколько это возможно»⁷. Кроме того, оказывается, что в повседневном взаимодействии имеет значение не только пол, но и распознаваемая, а также приемлемая для доминирующего дискурса, сексуальная идентичность человека. Такое мгновенное распознавание необходимо для контроля сексуального влечения по отношению к людям соответствующего (то есть — противоположного) пола⁸.

Для информантки Даши категория пола является неочевидным и травматическим аспектом ее субъектности, это та проблема, с которой она «хочет пойти к психотерапевту». Для нее принадлежность к женскому полу является скорее формальностью, вроде отметки в паспорте: «*Не знаю, у меня*

3 Информантка Даша: во время исследования 24 года, родилась в Гомеле, состоит в отношениях, получила высшее образование, работает, проживает в Варшаве. Интервью взято в г. Варшава 7 января 2012 г.

4 Информантка Юля: во время исследования 29 лет, родилась и проживает в Вильнюсе. Интервью взято в г. Вильнюсе 6 февраля 2012 г.

5 А. Темкина, Е. Здравомыслова. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Портал *Open Women Line*. www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (посещение 15.08.14).

6 Дж. Батлер. Гендерное беспокойство // *Антология гендерной теории*. Сост. Е. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000. С. 297-346.

7 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера // *Хрестоматия феминистских текстов: Переводы*. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург, 2000. С. 204.

8 Там же. С. 215.

с этим проблемы. Ну в смысле как, я женщина, я не хочу быть мужчиной. Но если бы у меня спросили, кем бы я хотела быть, какого пола, — я бы сказала “никакого”».

Даша капитулирует перед вопросом о том, через что выражается женский пол, поскольку не соотносит себя с женской идентичностью и, как результат, считает себя некомпетентной: «...у меня нету этого, поэтому я не знаю, что значит женственность». Для информантки оказывается трудным определить те внешние и поведенческие признаки и характеристики, которые наполняют категорию женственности, поэтому вместо того, чтобы описывать ее «изнутри» своего опыта, она апеллирует к общему знанию, воспроизводит распространенное представление о «среднестатистическом проявлении женственности», выражающемся, по ее мнению, в таких качествах, как: «плавность движений», «грациозная походка, лебединая», особые жесты и манеры, общепринятый дресс-код (платье, юбка, каблуки), использование декоративной косметики.

У информантки Юли, напротив, не вызывает сопротивления процесс идентификации себя с женским полом, однако этот аспект все равно проблематизируется в ее биографическом нарративе. Категория женственности для нее не просто существует, но и является «в некоторой степени по некоторым параметрам ключевой»:

...И тогда мне через год должны были делать операцию гинекологическую. Ну и для этого, чтобы подготовить меня к операции, я целый год с пятнадцати-шестнадцати [...] в таком возрасте пила гормональные таблетки, сильные. [Пауза.] В результате чего у меня погубел голос очень сильно. Сейчас, ну когда, как это сказать... Сейчас я уже считаю это своим достоинством и уникальностью какой-то. Но в момент вот переходного возраста это был очень болезненный вопрос. Потому что... надо мной там насмехались одноклассники, что вот у мальчиков мутирует голос, у тебя мутирует голос... Сейчас я как бы могу регулировать, и я понимаю, когда он такой, когда он другой. Тогда были такие вот волны. Я могла и фальцетом заговорить, и там и грубо, и все остальное. Для меня это, на самом деле, тогда это была огромная такая травма...

В своей классической работе «Гендерное беспокойство» Джудит Батлер подвергает деконструкции процессы гендер-

ной идентификации и констатирует, что в ходе этих процессов утверждается «параллельная, но оппозиционная внутренняя связь пола и гендера с желанием». На практике это значит, что высказывание «чувствовать себя женщиной» подразумевает нечто большее, чем соответствие с женской анатомией — оно подразумевает «отличие от противоположного рода, противопоставление себя ему»⁹.

Это противопоставление себя мужскому роду хорошо прослеживается в случае с Юлей, причем механизмы различения, разграничения себя с мужским полом оказываются задействованными в подростковом возрасте:

Ну вот как я сейчас понимаю, что у меня тогда был, скажем, в подростковом возрасте такой очень, ну на мой взгляд [...] ну скажем, классический набор каких-то, ну назовем их, мужских качеств. ... Неважно, что я носила длинные волосы, но у меня был грубый голос, я была очень инициативной такой, ну как говорят, солдат в юбке, там всегда была какими-то старостами, еще чем-то. И в какой-то момент я поняла..., не в какой-то, а когда эти пертурбации с голосом начались, что как бы ну вот, а я типа девочка, но я не девочка. Ну как-то так вот себя начала неуютно чувствовать, потому что именно как-то все эти качества причислила именно к, ну скажем, мужским таким.

Информантка отмечает, что грубый голос у нее ассоциируется с «грубостью в принципе, а грубые по каким-то моим тогдашним понятиям были мужчины». Женщины, по ее мнению, должны быть «мягкими, нежными», формировать соответствующий женский стиль одежды. Таким образом, «грубый голос», который теперь является ее «уникальностью» и «достоинством», в юности стал для нее своеобразной отправной точкой, механизмом запуска для начала ее движения по направлению к нормативности:

Но я помню, были там попытки какой-то такой более-менее женский стиль формировать, начать какие-то там юбки носить. [...] У меня какая-то, я помню, как сейчас, такая была какая-то установка внутренняя, что я вот с этой грубостью буду как-то бороться сейчас, ... и посредством внешности, там, может быть, меньше выступать, меньше там какое-то свое «я» показывать.

9 Дж. Батлер. Гендерное беспокойство... С. 325.

Перемещения и трансформации гендерной субъектности информантки Даши, напротив, происходят в противоположную от нормативности сторону. Это движение нельзя назвать ни линейным, ни осознанным или целенаправленным. В отличие от номадического пересечения границ у Розы Брайдотти¹⁰, существование субъекта информантки в «гендерном приграничье» не является ее выбором, а скорее вынужденной необходимостью, или даже, неизбежностью. Во-первых, несмотря на то, что Даше «в принципе по жизни ближе мальчуковый код», иногда у нее «бывают проблески... хочется чего-то такого, да, среднестатистического проявления женственности». Во-вторых, ее «мальчуковый» образ, как выясняется из нарратива, складывался еще с самого детства, под влиянием родных:

Моя мама воспитывала меня... Ну то есть, смотря детские фотографии и рассказы... Я всегда там в шортах, в безрукавке, в рубашке, в джинсах. ... Причем что не было так, что специально это делалось, да. А может быть и специально. Ну то есть мама из меня хотела с бабушкой вырастить девочку, но как бы вырастили то, что вырастили. И я с самого детства... у меня, грубо говоря, был такой стиль. То есть у меня не было того, что я ходила в юбках и платьях, ... ну и я там себя плохо чувствовала, а когда я уже повзрослела, я что-то поменяла. То есть я с детства, всегда.

Наконец, субъектность информантки, испытывая на себе нормирующее давление политик идентичности, согласно с которыми женщины должны быть женственными, а мужчины — мужественными, все же ощущает тягу к женственности, однако оказывается неспособной пересечь эту границу:

— То есть в детстве это было неосознанно, потому что меня воспитывали родители, меня воспитывала мама, и это то, как она меня видела, то, что она в меня вкладывала, да. А потом это... я сейчас такая, как есть, потому что, во-первых, неудобно, во-вторых, я привыкла, а в третьих, я какие-то свои комплексы за чем-то прячу. Ну то есть я не одену мини-юбку, платье, потому что мне кажется, что то-то не так, это не так, пятое-десятое...

— Но хотелось бы?

— Ну иногда хочется. Иногда хочется. Ну то есть нет такого. Я смотрю на девочек. И мне иногда действительно хочется этого, но

10 Р. Брайдотти. Различие полов как политический проект номадизма // *Хрестоматия феминистских текстов: Переводы*. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург, 2000. С. 220-250.

я понимаю, что я настолько в себе воспитала вот такое поведение, да, ну там от походки до ну я не знаю...

— *Позы...*

— *Позы, да, сидеть, стоять. Что... ну это будет смотреться глупо. Ну то есть и зачем себя ломать. Но хочется.*

Американские исследовательницы Кэндес Уэст и Дон Зиммерман вводят категорию принадлежности по полу, которую они понимают как ситуативное выражение подразумеваемого пола индивида, которое в обыденной жизни поддерживается «социально заданными идентификационными проявлениями (дисплеями)», где является «интеракционное изображение того, что мы хотели бы выразить в отношении нашего полового естества, используя конвенциональные жесты»¹¹. При этом подразумевается, что половая принадлежность не только считывается, но и демонстрируется. «Эта виртуозная игра выучена актерами давно, она срослась с их жизнями, поэтому она выглядит естественным проявлением их сущности — выражением не гендера, но естества (биологического пола). В этом и заключается загадка конструирования гендера — каждую минуту участвуя в этом маскараде представления пола, мы делаем это таким образом, что игра кажется нам имманентно присущей и отражающей нашу сущность»¹².

Социальные конструктивисты используют метафору игры и маскарада для того, чтобы объяснить, каким образом скрываются механизмы воспроизводства гендерных идентичностей. Однако эта метафора не способна объяснить те сбои и разрывы, которые возникают, когда «естественное проявление сущности» оказывается невозможным, да и сама эта сущность не вполне очевидна в том, что она — женственность или мужественность, а может быть, что-то еще:

То есть меня удивляет, почему кого-то, каких-то левых людей, волнует, мальчик я или девочка, если меня об этом спрашивают, да. То есть я не считаю, что это должно кого-то заботить. В то же время, конечно же, я хочу, чтобы все видели, что я девочка, но хочу ли я выглядеть как совсем вот девочка-девочка — я не уверена.
(Даша)

11 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера... С. 195, 199.

12 А. Темкина, Е. Здравомыслова. Социальное конструирование гендера...

В обыденной ситуации, когда определение пола оказывается невозможным, неопределенность вызывает тревогу у считающего субъекта, т.к. принадлежность по полу является важнейшей, хотя и не осознаваемой, характеристикой. Другими словами, мы задумываемся о половой принадлежности только в тот момент, когда ее автоматическое определение оказывается затруднительным или невозможным.

Тревога, которая возникает у окружающих по отношению к Даше, на самом деле является чем-то большим, чем на первый взгляд является безобидное беспокойство, которое подразумевают под этим словом социальные конструктивисты. Тревога запускает в действие такие репрессивные механизмы и практики, которые не только «удивляют» и «обижают», но и приводят к физическому насилию над индивидом:

Ну сейчас я на это не обращаю внимания... а раньше меня это реально обижало. Ну то есть, что не видно, что я не мальчик?! Ну как бы даже в одежде. Ну то есть почему я могу различать людей, неважно, как, во что они одеты, ну то есть женщина это или мужчина. Ну как бы, а меня сразу причисляют к это... к мужику... ну то есть я не вижу в себе таких мужских проявлений, чтобы ну прямо вот можно было сказать, что я парень. Ну а еще. Еще меня обижают... ну были такие... ну много было случаев. Например, едут какое-нибудь бычье в трамвае, или где-то напротив меня, и обсуждают, мужик я или баба. Ну как бы... выбирают, мужик я или баба.

Гендер, согласно Уэст и Зиммерман, «является деятельностью по организации ситуативного поведения в свете нормативных представлений об аттитюдах и действиях, соответствующих категории принадлежности по полу»¹³. В отличие от принадлежности к категории по признаку пола, определяемой по идентификационным и гендерным дисплеям, гендер является чем-то большим. «Женщины могут быть и неженственными, но это не делает их «неженщинами»¹⁴. Гендер — это некая нормативная конфигурация поведения, достигаемая благодаря наличию гендерной компетентности. Гендер является не просто набором застывших маркеров, но деятельностью по созданию и использованию этих маркеров во всех возможных ситуациях. В качестве ресурсов по созданию гендера

¹³ К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера... С. 195.

¹⁴ Там же. С. 204.

рассматриваются: физические характеристики социального окружения, стандартные социальные ситуации, конвенционально экспрессивные ситуации и др.¹⁵

Мне представляется, что таким ресурсом по созданию субъекта (обладающего женским гендером) для обеих информанток стали их первые отношения с мужчинами:

Я не помню, чем это уже там закончилось. Получалось там что-то у меня по тем временам — не получалось. Но в любом случае да, я когда в первый раз начала дружить с мальчиком, наверно, в семнадцать лет, и тогда это все так улетучилось очень быстро, потому что я поняла, что как бы есть люди, которым я и такая нравлюсь. И как бы специально стараться работать с вот этой своей как бы женской идентичностью не имеет смысла. (Юля)

...С Денисом чувствую себя женщиной, потому что ему со мной, в той женщине, которой я являюсь, ему со мной хорошо. (Даша)

[— Менялся ли как-то твой образ за последние годы? Становился он более или менее женственным?]

— Менялся в любом случае, он стал более женственным. Ну то есть из-за Дениса, из-за моего желания. То есть я не знаю, из-за Дениса или из-за моего желания, но какой я была за четыре-пять года назад до Дениса, даже если посмотреть по фотографиям, и тем, чем я сейчас являюсь. Да, в принципе, может быть, что-то не изменилось, но вообще, ну даже в одежде, в таких вот, даже в походке, может быть, в разговоре, ну вообще вот в общении с людьми. Ну то есть поменялось много. (Даша)

Гендер создается во взаимодействии и предполагает подотчетность. Это является очень важной характеристикой, т.к. говорит о том, что участники социального взаимодействия все время как бы испытывают, проверяют поведение друг друга на соответствие сущностной женственности и сущностной мужественности. Таким образом, «категория принадлежности по полу, и гендер являются управляемыми свойствами поведения», и эти свойства определенным образом влияют на иерархию мужчин и женщин в обществе¹⁶. Однако, как показал проведенный анализ нарративов, управляемость в гендерной идентичности заложена как потенциал, который

15 А. Темкина, Е. Здравомыслова. Социальное конструирование гендера...

16 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера... С. 210.

можно реализовать при наличии определенных внешних и внутренних ресурсов индивида. Субъектность же зачастую сопротивляется попыткам манипулировать ей, направляя на «правильный путь». Таким образом, я определила бы гендерную идентичность, как феномен, существующий по разные стороны границ, в виде мужского или женского, в то время как субъектность реализуется на пограничье, курсируя между этими двумя воплощениями нормативности.

Концептуальное осмысление сексуальности и ее связи с гендером претерпело несколько революционных этапов. Первые исследования в этой области (относящиеся еще к сексологии и, частично, фрейдизму) настаивают на естественном биологическом происхождении сексуальности, поддерживая тем самым доминирующую гетеросексуальную идеологию. Современные теоретики не сомневаются в социальной природе секса, утверждая, что сексуальные желания, практики и формы являются продуктом социального регулирования. Феминистская критика разоблачает гетеросексуальную брачную репродуктивную модель как репрессивную идеологию, которая подавляет как женщин, так и мужчин, как гомосексуальные, так и многие гетеросексуальные практики.

Батлер отмечает, что система пол/гендер/сексуальность является целостной в том случае, когда «желание является гетеросексуальным и поэтому отличает себя через отношения противопоставления тому гендеру, которого оно желает». То есть комплементарность мужского и женского в культуре нуждается в оппозиционной гетеросексуальности. В свою очередь, гетеросексуальность требует культурно определенной половой принадлежности¹⁷.

Однако если культурно определенная половая принадлежность, как в случае с информантками, оказывается под вопросом, то что тогда происходит с конструктом гетеросексуальности, в частности, и сексуальности — вообще? Российская исследовательница Надя Нартова, пытаясь по-своему осмыслить феномен границы и опыт нахождения внутри конкретной, географической границы, разделяющей государства и территории, пишет: «Граница как голограмма — смотришь с одной стороны: она предстает плоским, относительно понят-

¹⁷ Дж. Батлер. Гендерное беспокойство... С. 326.

ным (потому что плоским), поблескивающим [...] пространством. Чуть повернешь голову, поймаешь точку взгляда — и она разворачивается, насыщается, приобретает объем»¹⁸. Голлографичность границы в том, что «она может открыться/развернуться другими (неизвестными заранее, не прожитыми ранее) пространствами, людьми, ситуациями»¹⁹.

Казалось бы, если гетеросексуальность формально определяется через объект желания, выраженный в противоположном поле, то границы, отделяющие гетеросексуальность от гомосексуальности, являются максимально понятными и прозрачными. Однако сама по себе сексуальность, в отличие от «секса», под которым подразумеваются «плотские акты», отсылает «ко всем эротически маркированным аспектам социальной жизни и социального бытия, таким как желания, практики, отношения и идентичности»²⁰. Это значит, что гетеросексуальность, воплощенная в опыте конкретных людей, разворачивается и воплощается вне гетеросексуальных правил.

Периодически повторяющиеся с обеими информантками случаи неверного приписывания сексуальности на основании внешних характеристик позволяют сделать вывод о существовании специфических визуальных и поведенческих кодов, не только для гендерной идентичности, но и для сексуальной:

А что касается вот понятия, ну скажем вот этой атрибуции, да, то... Один раз все-таки была какая-то такая ситуация, что гей-мужчина тоже подумал, что я лесбиянка. И там была одна девушка-лесбиянка. Она мне потом говорила, что они там чуть ли не в один из первых вечеров с вот этим мальчиком решали, лесбиянка я или нет. И решили, что если я не лесбиянка, то хотя бы бисексуал, чем я тоже не являюсь. И я тогда тоже ее просто спросила напрямую. Я понимаю, что им, скажем, интересно... идентифицировать там, скажем, похожих на себя или к той же коммюнити принадлежащих. Но говорю, по каким вообще вы признакам, ну, то есть... что во мне именно такого, о чем... почему вы вообще, ну, как бы, начали это квестинировать? И мне очень ответ и удивил, и разочаровал в тот же самый момент. Она сказала что, во-первых, внешность, при этом перечислила: короткие волосы, короткие ногти и штаны — что, ну, для меня прозвучало как дикость, потому что таких

18 Н. Нартова. Эссе о границе... С. 270.

19 Там же. С. 271.

20 S. Hekman. Beyond identity. Feminism, identity and identity politics // *Feminist Theory*. Vol. 1.3. 2000. P. 106.

женщин полным-полно. Потом она, да, еще на голос обратила внимание. То, что я, типа, не боюсь, как-то, сильно, ну, громко и открыто говорить, ну, что я там тоже активно участвовала в этих семинарах, не боялась, мнение выражать и все остальное. И мне как-то это... Она как бы ответила на этот мой вопрос, но и в то же самое время, мне кажется такой немножко, внесла такой... Но перемешала многие, многие вещи в одном котле... (Юля)

Как уже отмечалось выше, распознавание сексуальной идентичности друг друга необходимо для контроля сексуального влечения по отношению к людям соответствующего пола. И это правило действует не только для гетеросексуальных идентичностей, но и для альтернативных им, гомосексуальных, бисексуальных и квир идентичностей. Так, продолжая свой рассказ, Юля пересказывает слова своей собеседницы:

Она как-то пыталась мне сказать, что типа, ну ты же понимаешь, нас же так мало, мы же меньшинство, мы всегда были меньшинством, всегда будем. И там,... ну я поняла, что она тоже про свой личный опыт говорит, что, наверное, были какие-то... очень неприятные столкновения у нее в этой сфере, я не знаю, я только так догадываюсь. И тогда, говорит, прежде чем пойти на какой-то контакт ты сканируешь ситуацию, то есть, ну, там... оцениваешь свои шансы и все остальное.

Этот принцип контроля сексуального влечения действует таким образом, что индивиды склонны, иногда ошибочно, включать в свои границы других индивидов на основании правил, существующих на данной территории, что может являться травматичным как для одних (поскольку приводит к разочарованию и неоправданности ожиданий), так и для вторых (поскольку действует как репрессивный, нормирующий механизм):

...А если, например, ко мне... девушки пристают, да, а я этого не хочу, да, как бы, то они меня воспринимают заведомо как свою. Но я не своя, не счи... я этого не хочу. Мне кажется, что это какая-то ошибка, их ошибка или моя ошибка в поведении, или их ошибка в представлении меня. Ну или моя ошибка, опять же, в этом... (Даша)

Но, да, далеко не во всех ситуациях, я, как бы, об этом, вообще, задумываюсь. Ну, в конкретных, наверное, которые тебя касаются, там, ну, типа... Загляделась на кого-то, а это оказывается гей,...

или например, ... кто-то на меня загляделся и, ну, вот, опять спутали [смеется]. И надо тогда как-то опять, ну, ни то, что выстраивать все это по-новому, но... но каждый раз это такой, как бы... не то, что тест, а такая, ну, да, может и проверка, насколько ты вообще, ну, чувствительна к этим вопросам. Потому что мне кажется, что я довольно-таки, чувствительна. И этим могу, иногда, обидеть своих, например, дру... подруг-лесбиянок. И это мне не нравится. С этим надо работать. (Юля)

Батлер предостерегает от той распространенной теоретической установки, которая сводит гендер к сексуальности. По ее мнению, разделять гендер и сексуальность необходимо, как минимум, по двум причинам. С одной стороны, обладание гендером не должно предполагать конкретную сексуальную практику, а сексуальная практика какого-либо рода не должна предопределять гендерные характеристики ее приверженца. С другой стороны, гендер не следует сводить к иерархической гетеросексуальности, поскольку «попадая в гомосексуальный контекст, он принимает различные формы, его бинарность оказывается недействительной за рамками гетеросексуальной основы, сам гендер внутренне нестабилен, примеры трансгендерной жизни ломают каузальную зависимость между сексуальностью и гендером»²¹. Продуктивность этих взаимосвязанных установок заключается в том, что, во-первых, для «освобожденной» от гендера сексуальности открываются разнообразные возможности; а во-вторых, возникают новые категории гендера, не обусловленные формами гегемонной гетеросексуальности²².

Например, Юля не испытывает желания поменять что-либо в своем внешнем образе или поведении, так как «в социальном плане считает себя довольно [...] состоявшимся человеком», что еще раз говорит о том, что сознательно выбрать или принять путь номады можно, обладая определенными символическими ресурсами. В этом смысле можно предположить, что статус Юли, коренной виленчанки, проживающей в Вильнюсе, занимающей престижную должность в успешной организации, открывает ей больше возможностей для реализации своей субъектности, несмотря на нормирующее давле-

21 Дж. Батлер. Гендерное регулирование // *Неприкосновенный запас*. 2011. №2 (76). www.magazines.russ.ru/nz/2011/2/ba2.html (посещение 15.08.14).

22 Там же.

ние политик идентичности. Даша, проживающая в эмиграции в Варшаве, являясь студенткой магистратуры и сотрудницей одной из белорусских организаций в Польше, испытывает явные затруднения с реализацией своей субъектности. Безусловно, здесь имеют значения и другие факторы, такие как, например, семья и отношения в семье.

Можно припомнить, что Брайдотти в качестве примера номадических жизненных стратегий приводит стиль жизни современных ведущих феминистских исследовательниц, для которого характерны полиглотизм, доступ к прекрасному образованию, финансовая независимость, высокий уровень мобильности и др. Мне кажется, что социальное положение Юли и ее широкий круг общения позволяют ей чувствовать себя более уверенно и комфортно, чем социальный статус Даши. Так, из ответов Юли видно, что ее окружают люди, например, ее друзья — феминистские исследовательницы, с которыми она просто и свободно обсуждает вопросы идентичности и сексуальности. Среди них она находит ту поддержку и понимание, которые способствуют ее индивидуальному развитию. Можно сказать, она уже практически отыскала свою субъектность и сейчас находится в процессе ее реализации. Чего, разумеется, не скажешь о жизненной стратегии Даши, которая все еще в поиске собственной субъектности. В этом смысле пример Юли в гораздо большей степени соответствует модели номадического сознания по Брайдотти. Номадность же Дашиного субъекта, оставленного практически один на один со своими сомнениями (до того, как я начала свое исследование, мы фактически не обсуждали эти вопросы), характеризуется меньшим уровнем осознанности. Замкнутая в довольно узком кругу общения, она не привыкла говорить о своей гендерной идентичности и своей сексуальности. Ее ответы переполнены чувством незащищенности, сомнениями и оговорками. Если Юля апеллирует к экспертному знанию своих друзей, то Даша склонна апеллировать к общему знанию, которое, разумеется, действует на нее подавляюще.

В завершение хотелось бы отметить, что хотя ошибки приписывания гендерной или сексуальной (или и той, и другой вместе) идентичности являются, несомненно, травматичным

опытом, вновь и вновь пропуская индивидов через контрольно-пропускные пункты пограничных переходов, они разворачивают то самое креативное пространство непринадлежности, отделенности, о котором говорит Брайдотти²³. Как Даша, так и Юлия, признаются, что, будучи сами помещенными в пространство неопределенности, они начинают чаще с интересом наблюдать за другими, осмысливают свой опыт и становятся более «чувствительны к этим вопросам». Опыт номады, особенно вынужденной номады, позволяет занять такую точку зрения, с которой у нее не возникнет соблазна поддаться теориям политик идентичности, поскольку она слишком хорошо знает, какие последствия влечет за собой различие, воплощаемое границами.

Жизненный опыт информанток, выраженный в их нарративах, показывает, как сама нормативность нарушается ненормативными сексуальностями, что таятся в ее собственных терминах. Гетеронормативность можно понимать как институционализацию гетеросексуальности, а также «формирование того, как *делается* гетеросексуальность, и как *быть* и *становиться* гетеросексуальным, впрочем, как и формирование *действия* и *бытия* альтернативных сексуальностей»²⁴. Это значит, что нормативная гетеросексуальность не только маргинализирует и «наказывает» те сексуальности, которые не помещаются в ее пределы, — прежде всего она строго регулирует сами гетеросексуальные практики.

23 Р. Брайдотти. Различие полов...

24 S. Jackson. Gender, sexuality and heterosexuality // *Feminist Theory*. Vol. 7.1. 2006. P. 117.